

Н. П. Генералова

ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА

I

Какое неизвестное стихотворение Фета хотел прочитать Тургенев*

Как в первом, так и во втором издании Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева один фрагмент из письма к Ивану Петровичу Борису, а именно письма от 1 (13) декабря 1867 года, остался без комментария. Вот этот фрагмент: «Посмотрел бы я на Фета с мировой цепью на шее! Отчего же Вы не прислали его стихов на Р.? Я Вам могу слово дать, что всё останется в тайне».¹ Как отмечено в комментариях к письму, упоминание о мировой цепи на шее Фета относилось к избранию его мировым судьей на съезде мировых судей в Мценске. Это факт известный, сохранилась даже фотография Фета с «мировой цепью» на шее.² По поводу же «стихов на Р.» в комментариях сказано: «О каком стихотворении Фета идет речь — неясно».³

К сожалению, письмо И. П. Борису, который, очевидно, сообщил Тургеневу о таинственном стихотворении Фета на какого-то «Р.», до нас

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1866), проект № 14-04-00457а. За помощь в подготовке настоящей статьи сердечно благодарю И. А. Кузьмину.

¹ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 79.

² См., например: ЛН. Т. 103. Кн. 1. С. 513.

³ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 316, примеч. 4 к письму 2126.

не дошло. Последнее из известных писем Борисова к Тургеневу помечено 22 ноября ст. ст. 1862 года.⁴

Теперь, когда сохранившаяся часть переписки Фета с В. П. Боткиным (86 писем Фета и 114 писем Боткина, включая письма М. П. Фет и обращенные к ней) полностью опубликована Ю. П. Благовоиной,⁵ мы можем с полной уверенностью сказать, о каком стихотворении поэта шла речь в письме Тургенева и кто скрывался за криптонимом «Р.». Вот что сообщал Фет Боткину 22 октября (3 ноября) 1867 года: «Ты, может быть, слышал, что Ржевский баллотировался в почетные мировые судьи во Мценске и провалился mit grossen Schkandalen (с большим скандалом — нем.), чему Тургенев рукоплещет из Бадена и что внушило мне следующий *стих*:

В лакейских нюхая давно,
Звездой он спереди украшен.
Как сочинитель он говно,
Как губернатор был бы страшен.

Но сзади он всего страшней,
Нам проповедуя Европу.
Завистник русских снохачей,
Сей рыжечалый любодей
Всему что дышит, целит в ж...⁶

Скажем сразу, что, кроме самого факта провала Ржевского на выборах, мы пока можем прокомментировать в этом стихотворении далеко не все, но несомненно, что просьба к Борисову прислать эпиграмму Фета на Ржевского должна найти место не только в комментарии к письму, но и в Летописи жизни и творчества писателя. Личность Владимира Константиновича Ржевского (1811–1885) хотя и была хорошо знакома современникам, но скорее с официальной стороны. Его богатый послужной список включает десятки ответственных должностей — от чиновника особых поручений, инспектора кадетского корпуса до члена Совета министра внутренних дел, закончившего свои дни сенатором. В 1867 году

⁴ Письма Борисова к Тургеневу опубликованы Е. М. и Н. А. Хмелевскими в Тургеневских сборниках (*ТСб*. Вып. 3–5).

⁵ *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 156–538. По подсчетам Ю. П. Благовоиной, из этой переписки до нас не дошло 56 писем Фета и 7 писем Боткина (Там же. С. 538–542).

⁶ Там же. С. 504. Эпиграмма вошла в раздел «Стихотворения и поэмы 1863–1892 годов, не вошедшие в сборники» пятого тома выходящего ныне Собрания сочинений и писем Фета в 20 т. (*Фет. ССП*. Т. 5. Кн. 2. С. 59).

он был произведен в тайные советники. Выпускник Московского университета, Ржевский был знаком с братьями Бакуниными, с которыми состоял в родстве, числился приятелем В. Г. Белинского, однако со временем чиновничья карьера разорвала связи с друзьями молодости. В пореформенное время он активно выступал как публицист со статьями самого разного свойства (в основном в «Русском вестнике» и в правительственной газете «Северная почта», где заведовал отделом), состоял в многочисленных комиссиях — по устройству почтовой службы, по пересмотру положений о питейном сборе и др. Находясь с 1869 года на службе при Министерстве юстиции, Ржевский отвечал за межевую часть, затем был назначен сенатором в Межевой департамент Правительствующего сената.

Происходя из родовитого дворянства, Ржевский владел именьями во многих губерниях, в том числе в Мценском уезде Орловской губернии. В 1860 году, когда Фет присматривал себе «клочок земли», чтобы заняться сельским хозяйством, он чуть не купил «небольшое серпуховское именье», принадлежавшее Ржевскому. По словам Борисова, дядя Тургенева, Николай Николаевич, с которым Фет многие годы поддерживал дружеские отношения, «написал целый трактат, чтобы *не покупать* у Ржевского», и все-таки уговорил не совершать этой покупки.⁷ Правда, причины столь негативного отношения к покупке земли именно у Ржевского остаются не вполне ясными.

В 1861 году Ржевский был назначен мировым посредником 4-го участка Мценского уезда, но пробыл в этой должности недолго, лишь до мая 1862 года. Очевидно, деятельность его не пришлась по душе землякам, оттого его и «прокатили» на выборах почетных мировых судей, которые состоялись 25–26 июня 1867 года. Именно тогда Фет был впервые избран мировым судьей 3-го участка Мценского уезда и пробыл в этой должности вплоть до переезда в 1878 году в Курскую губернию, оставаясь, впрочем, и впоследствии почетным мировым судьей Мценского уезда.

⁷ *Т Сб.* Вып. 3. С. 338. Письмо И. П. Борисова к И. С. Тургеневу от 8 октября ст. ст. 1860 г. Е. М. Хмелевская отметила в комментариях, что хозяином имения мог быть и родной брат В. К. Ржевского Григорий Константинович (Там же. С. 340). Это замечание не было учтено в издании: *Фет А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / Вступит. статья, сост., подгот. текста и коммент. В. А. Кошелева, С. В. Смирнова.* М., 2001. С. 411, где категорически утверждается, что хозяином был В. К. Ржевский. То же: *Фет. СлП.* Т. 4. С. 506–597. Ср.: *ЛН.* Т. 103. Кн. 1. С. 291, примеч. 6 (Публ. Ю. П. Благоволиной).

Что касается «большого скандала», связанного с избранием Ржевского, об этом сведений пока найти не удалось.⁸ Характерно, однако, что Тургенев, по сообщению Фета, «рукоплескал из Бадена» его провалу, но, очевидно, не в письме к нему. Накануне он получил от Фета письмо (неизв.) с резким отзывом о «Дыме» и в ответном письме от 30 июля (11 августа) 1867 года не менее резко возражал ему, хотя и поздравил с избранием в мировые судьи: «...с назначеньем в судьи поздравляю и Вас и наш край. И это поздравление мое серьезно. В Вас еще столько немецкой крови, что Вы наверно будете руководствоваться в Вашей деятельности ясным и честным здравым смыслом и положительной законностью <...>».⁹ О провале Ржевского, правда, в этом письме нет ни слова. О нем мы узнаем из письма Тургенева к Борису, написанного через несколько дней (письмо Борисова, как было сказано, не сохранилось): «Я очень рад избранию Фета и уверен, что из него выйдет отличный судья. <...> Я очень также рад „фиаску“ Ржевского: этому противному господину всякий щелчок во спасение».¹⁰

Похоже, мнения всех четверых — Тургенева, Боткина, Борисова и Фета — насчет Ржевского совпадали. Помимо недвусмысленного намека на нетрадиционную ориентацию Ржевского, эпиграмма Фета метила в его карьеризм, искательство наград,¹¹ а также в его публицистические статьи, обильно публиковавшиеся в периодике, прежде всего в «Русском вестнике». Известно, что Тургенев, хотя и печатался сам на страницах этого журнала (в нем, в частности, только что был опубликован

⁸ В отчете о втором дне заседания, состоявшемся 26 июня 1867 г. и посвященном выборам участковых и почетных судей, даются лишь сухие цифры баллотировки. После того, как председатель В. А. Шеншин зачитал соответствующие статьи Судебного устава и указ Правительствующего сената, выступил «гласный А. А. Фет» и «прочел речь о более удобном, по его мнению, способе производства выборов. Способ этот оставлен собранием без внимания как противоречащий основным правилам» (Журналы Мценского уездного собрания. Орел, 1867. С. 7). Фет был избран в участковые мировые судьи 22-мя голосами против 11-ти, а Ржевский получил 14 голосов против 18-ти (Там же. С. 8).

⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 25. Далеко не безобидный каламбур содержится в письме к Фету от 12 (24) февраля 1868 г.: «Скверно только, что геморрой атакует Вас à la Ржевский, а posteriori (задним числом — *лат.*)». Недаром, публикуя письмо, Фет опустил приведенный пассаж (МВ. Ч. 2. С. 173). В комментариях в обоих ПССиП высказано неправомерное предположение, что речь шла «о каких-то личных взаимоотношениях Ржевского с Фетом, упоминание о которых в печати показалось последнему неуместным» (ПССиП(1). Письма. Т. 7. С. 485–486; ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 357).

¹¹ Незадолго до мценских выборов, 14 мая 1867 г., Ржевский был произведен в тайные советники.

роман «Дым», вызвавший столько споров), однако крайне отрицательно относился и к общему направлению журнала, и в особенности лично к его редактору М. Н. Каткову. В упомянутом уже письме к Фету, отбиваясь от нападок на роман, он не без сарказма заметит: «Но отчего Вас в „Русском вестнике“ нет? Боги! отчего не приходится хотя от времени до времени читать такие, нетенденциозные стишки:

Где-то, что-то вееет, млеет...
Нос сопит... язык немеет...
Стих свербит вокруг пупка...
Музе хочется кака!

Как бы это было прохладно!».¹² Писатель и сам понимал, что высказался несколько сильно, и извинился: «Письмо это вышло резко — но у меня на душе накопело. Вы — добрый; сердиться не будете; Вы знаете, что я все-таки Вас очень люблю».¹³ Пересылая это письмо через И. П. Борисова, Тургенев замечал: «Прилагаемое письмо передайте ему (Фету. — *Ред.*) <...> оно его несколько покоробит — но это ничего: мы еще не так друг другу кишки рвали — а дружба наша от этого не пострадала».¹⁴ Да и Фет, по-видимому, не слишком стеснялся в выражениях, давая отзыв о «Дыме». На упомянутое письмо Тургенева он откликнулся: «От Тургенева получил раздражительное письмо, в ответ на мое мнение о „Дыме“. Но дело обойдется».¹⁵ Дело, разумеется, обошлось, — еще несколько лет, вплоть до разрыва, последовавшего в 1874 году, Тургенев и Фет продолжали обмениваться все более «раздражительными» письмами. Тем более любопытно, что в отношении В. К. Ржевского их мнения оказались схожими.

Оставляя в стороне «сочинения» Ржевского, которым Фет дал столь нелицеприятную оценку в своей эпиграмме, стоит отметить, что и строчка о возможном губернаторстве адресата, кажется, имела реальную подоплеку. В своем дневнике А. В. Никитенко, которому по долгу службы приходилось постоянно общаться с Ржевским, отметил: «Вечером был <В. К. Ржевский>. Его произвели в тайные советники, а места губернатора все-таки ему не дали, как он его ни добивается».¹⁶ Запись сделана 28 мая 1867 года, то есть вскоре после получения Ржевским чина тай-

¹² ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 23–24.

¹³ Там же. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ ЛН. Т. 103. Кн. 1. С. 501. Письмо к В. П. Боткину от 4 (16) сентября 1867 г. В ЛН опечатка: 1868.

¹⁶ Никитенко. Т. 3. С. 88.

ного советника и незадолго до выборов в почетные судьи Мценского уезда, на которых он, выражаясь словами Тургенева, потерпел «фиаску». К сожалению, нам не удалось выяснить, в какой губернии добивался должности губернатора В. К. Ржевский. Исходя из его желания стать почетным мировым судьей Мценского уезда, можно предположить, что его притягивал пост губернатора Орловской губернии. Пост орловского губернатора освободился после того, как А. Б. Лобанов-Ростовский 10 марта 1867 года был назначен и. д. товарища министра внутренних дел. Его преемником вскоре стал М. Н. Лонгинов, назначенный губернатором 7 апреля 1867 года.¹⁷

Остается вопрос, почему Тургенев так радовался провалу Ржевского, называя его «противным господином», ведь на первый взгляд деятельность этого видного чиновника и публициста была вполне в русле позитивных тенденций русского общества накануне и после отмены крепостного права. Сам он, без сомнения, причислял себя к партии прогрессистов, сумев внушить это мнение не одному Тургеневу. И все же писатель скоро почувствовал, что стояло за громкими фразами завзятых либералов из числа помещиков, входивших в Комитет по подготовке крестьянской реформы.

Сохранился один любопытный документ, обнародованный в свое время В. А. Громым, который при желании можно было бы расценить как свидетельство довольно близких отношений Тургенева и Ржевского. Этот документ находится в секретном архиве III отделения, в деле под названием «Выписки из писем Ржевского, Чичерина и других к Тургеневу И. С., Аксакову И. С. и другим об открытии и деятельности Орловского губернского комитета по выработке проекта условий отмены крепостного права и отношении дворянства к предстоящей реформе. 27 апреля 1858 г. — 17 декабря 1860».¹⁸ В деле сохранилась копия, снятая полицией с письма Ржевского от 16 ноября 1858 года, в котором тот выражал сожаление об отсутствии Тургенева на первых заседаниях Комитета. В самом деле, накануне заседания Тургенев покинул Орловскую губернию и приехал в Петербург, поселившись в известном доме Вебера на Большой Конюшенной, где вскоре верный друг П. В. Анненков будет читать в кругу литераторов только что заверченный роман «Дворянское гнездо».

Вот что писал Ржевский: «Очень жаль, что вы не исполнили своего намерения провести несколько дней в Орле во время первых заседаний

¹⁷ Сведения взяты из: <http://www.runivers.ru/doc/territory/362328/>

¹⁸ Громов В. А. Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения // *Т Сб.* Вып. 4. С. 232.

нашего Комитета. Вы потеряли случай вынести впечатления более благоприятные нам, бедным, загнанным помещикам, нежели те, которые вы до сих пор испытывали».¹⁹ Похоже, однако, что Тургенев намеренно не присутствовал на заседании, не желая принимать участие в потасовках «бедных, загнанных помещиков», к слову сказать принадлежавших к числу наиболее богатых в Орловской губернии. Так, один В. В. Апраксин, сподвижник Ржевского по Комитету, произведший в свое время неизгладимое впечатление на Н. В. Гоголя, который усмотрел в нем тип нового русского помещика, призванного спасти Россию, владел пятнадцатью тысячами десятин земли только в трех уездах губернии, а за его имением в Брасово числилось девять тысяч крепостных душ.²⁰

Воссоздавая картину битвы «прогрессистов» и «крайне правой» партии в письме к Тургеневу, Ржевский представлял себя, разумеется, в самом выгодном свете. Писателя он, конечно, числил своим единомышленником, отсюда доверительный тон письма: «Жаль, очень жаль, что вас нет, вы бы от души порадовались. Наш маленький город, с своим маленьким парламентом, принял совершенно другой вид. Карты, а пока еще и танцы, на втором плане. Даже в клубе стали играть менее».²¹ Однако не приходится сомневаться, что Тургенев хорошо знал цену уездным «прогрессистам». Об этом свидетельствует его письмо к В. А. Черкасскому от 9 (21) июля 1858 года, написанное после посещения Орла: «На другой же день после моего приезда (в Спасское. — *Н. Г.*) я поскакал в Орел в надежде застать там комитетские выборы; но они уже были кончены — весьма скверно, как оно и следовало ожидать: благородное дворянство выбрало людей самых озлобленно-отсталых — и едва ли не единственным представителем прогресса в Орловском комитете — как и в других комитетах — будет лицо, назначенное правительством — а именно Ржевский. В странное время мы живем! — Слышанные мною в Орле и в других местах слова и мнения представляют мало отрадного <...>».²² Горькая ирония сказанного раскрывается в сочетании слов «выбрали» и «лицо, назначенное правительством». Любопытным подтверждением общей оценки Тургеневым деятельности Ржевского является один сюжет, воспроизведенный в воспоминаниях Е. М. Феоктистова.

¹⁹ Цит. по: Там же.

²⁰ О В. В. Апраксине см.: Мельник *Е. Г.* Тургенев и В. В. Апраксин накануне крестьянской реформы в Орле // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 272–288. С 1857 по 1865 г. Апраксин занимал пост Орловского губернского предводителя дворянства.

²¹ Цит. по: *Громов В. А.* Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения. С. 233.

²² *ПССиП*(2). *Письма*. Т. 3. С. 328.

Рассуждая о политических пристрастиях Тургенева, Феокистов высказался несколько иронично, считая, что политика никогда не была его сферой и даже собственное признание Тургенева в том, что ненависть к крепостному праву была его «заветным чувством», побудившим дать Аннибалу клятву борьбы с этим злом (о чем писатель сообщил в своих «Литературных и житейских воспоминаниях»), нельзя принимать всерьез. «Среди тогдашнего избранного кружка, — писал Феокистов, — не встречал я человека, который по самой натуре своей был бы так мало склонен заниматься политикой, как Тургенев, и он сам сознавался в этом: „Для меня главным образом интересно не *что*, а *как* и *кто*“. Вот фраза, которую беспрерывно приходилось слышать от него близким ему лицам. На первом плане стояли для него типы, характеры, а вовсе не деятельность сама по себе в том или другом направлении».²³ Убежденный в том, что различные партии нещадно эксплуатировали Тургенева, навязывая совершенно не свойственные ему роли, Феокистов в качестве примера привел «уморительную» историю, рассказанную ему самим писателем. «Так, например, В. К. Ржевский уж, конечно, мог быть по всей справедливости причислен к разряду людей, которых принято у нас называть „крепостниками“; это был человек незавидной нравственности, но умный, сведущий и считавшийся одним из корифеев партии, враждебной освобождению крестьян. Когда начались заседания редакционных комиссий, он поспешил в Петербург; по словам его, он объездил почти все гостиницы и нигде не нашел сколько-нибудь удобного приюта, а потому на основании долгого и близкого знакомства с Тургеньевым — оба они были орловские помещики — счел за лучшее поселиться у него. Однажды, вернувшись с прогулки, Иван Сергеевич нашел у себя неожиданного сожителя».²⁴

Этот фрагмент воспоминаний Феокистова, к сожалению, не нашел отражения в Летописи жизни и творчества Тургенева, хотя имя Ржевского встречается в ней не один раз. Между тем можно с большой долей вероятности предположить, что насильственное вселение Ржевского в апартаменты Тургенева произошло именно в 1858 году, причем уже после описанных им заседаний Орловского губернского комитета. Именно тогда, судя по приведенному выше перлюстрированному письму к Тургеньеву, он почувствовал себя «на коне», оценив практическую для себя пользу в активной деятельности комитетов, созданных «в видах прави-

²³ Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). М., 1991. С. 48.

²⁴ Там же. С. 49.

тельства». Именно в это время начинается и бурная публицистическая деятельность Ржевского, и участие его в самых разнообразных комиссиях и т. д. Тургенева же, когда вышли высочайшие рескрипты в связи с подготовкой крестьянской реформы, в России не было: он отсутствовал почти два года — с июля 1856-го по июнь 1858-го. Вернувшись из-за границы, Тургенев сразу оказался в гуще политических событий, и конечно Ржевский, явно наметивший себе политическую карьеру, не мог упустить случая привлечь на «свою» сторону известного писателя. Возможно, случай, описанный Тургеньевым Феоктистову, произошел именно в доме Вебера на Большой Конюшенной, по адресу, на который было, очевидно, отправлено и письмо Ржевского от 16 ноября 1858 года, процитированное выше. Неуместное вторжение незваного гостя было тем более неприятно писателю, что в это время он был более всего озабочен только что завершенным романом «Дворянское гнездо» и тем, как он будет принят публикой.

Вот как передает Феоктистов рассказ Тургенева: «Можете себе представить <...> что вот уже более двух недель, как моя квартира превратилась в главный штаб крепостничества; с утра до ночи приходят к Ржевскому господа, самые имена которых достаточно говорят о том, что они замышляют; человек мой избегался, подавая им чай и закуски; я отлично знаю, что за стеной, рядом с моим кабинетом, вырабатываются планы, придумываются всевозможные каверзы, чтобы затормозить освобождение крестьян, но что хотите — у меня просто не хватает духу отправить их всех к черту...».²⁵ Таким образом, к этому времени суть «бойкого» господина Ржевского (определение Никитенко²⁶) не была для Тургенева тайной. В то же время статьи Ржевского, похоже, вызвали у писателя определенное сочувствие, о чем свидетельствует его письмо к А. А. Краевскому от 12 (24) февраля 1860 года, в котором он спрашивает редактора «Отечественных записок», не желает ли он приобрести статью Ржевского «О централизации и самоуправлении». Сообщая со слов автора о ее содержании и объеме («Он пишет мне, что „она объемом четьре печатных листа и вся оригинальная, безо всяких вставок и заимствований, и наполнена намеками на современные обстоятельства“»), Тургенев, верный своим обычаям, старается уладить и финансовую сторону вопроса, поскольку Ржевский просил за статью «очень дорого», по 250 руб. сер. за лист, и готов передать ответ Краевского Ржевскому,

²⁵ Там же.

²⁶ «Был <В. К.> Ржевский, будущий редактор отдела внутренней летописи (газеты «Северная почта». — Н. Г.). Человек бойкий» (Никитенко. Т. 2. С. 246).

дав при этом общую оценку его публицистическим выступлениям: «А статьи Ржевского все дельны и производят впечатление».²⁷

Нельзя не согласиться с В. А. Громовым, что опубликованные им материалы из секретного архива III отделения, «значительная часть которых так или иначе связана с кругом наблюдений Тургенева над русской жизнью 1858–1861 гг., служат дополнительным подтверждением глубокой зависимости идейного замысла „Отцов и детей“ от реальных конфликтов самой действительности того времени».²⁸ Отразились эти наблюдения и в романе «Дым», задуманном в 1862 году, и в других произведениях писателя. Вот почему фигуры, подобные В. К. Ржевскому, не могут не интересовать исследователя творчества Тургенева и достойны дальнейшего изучения.

Можно не сомневаться, что интерес писателя к эпиграмме Фета на Ржевского был обусловлен жгучим интересом к менявшейся на глазах русской жизни, как нельзя не сомневаться и в том, что И. П. Борисов выслал Тургеневу искомое стихотворение. Тургенев же, как и обещал, сохранил этот факт «в тайне».

II

Об одной ошибке Андре Мазона, или Когда появился в «Нови» Нечаев

Роман «Новь» — пожалуй, единственное из произведений Тургенева, которое сохранилось во всех ключевых моментах работы над ним писателя — от первоначального наброска до правки в корректуре окончательного текста. Если исследователи, восстанавливая творческую историю того или иного произведения, нередко вынуждены домысливать и реконструировать ее при помощи косвенных данных, то в случае «Нови» мы имеем уникальную возможность практически полностью представить себе документально зафиксированную историю создания романа. Это, конечно, не означает, что мы знаем все, что стояло за внесенными в несколько рабочих тетрадей и записанными на листках текстами. Некоторые слова подготовительных материалов и чернового автографа до сих пор остаются непрочитанными или прочитанными неверно.

²⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 156.

²⁸ Громов В. А. Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения. С. 239.

В небольшой заметке нет нужды приводить огромный список литературы, посвященной «Нови», достаточно сказать, что он исчисляется сотнями работ. Мы вернемся к одной из важнейших, а именно — подготовительным материалам к «Нови», впервые опубликованным и прокомментированным еще в 1925 году известным французским славистом Андре Мазоном (1881–1867) в основанном им журнале «Revue des études slaves». ²⁹

Скажем сразу, что сама по себе эта публикация по-своему уникальна, ведь решиться впервые обнародовать тексты на русском языке по авторграфам, да еще не беловым, мог далеко не всякий русскоязычный исследователь. А родным языком Андре Мазона был французский. Вот почему результат его работы не может не поражать. Сложнейшие слова и предложения прочитаны им тщательно и точно, сомнительные прочтения обозначены в тексте, недописанные слова восстановлены. На несколько десятилетий исследователи, благодаря этой блестящей работе, получили доступ к творческой истории «Нови» и немедленно этим воспользовались. ³⁰

Следует признать, что не все, опубликованное А. Мазоном, выдержало проверку временем. Когда несколько десятилетий спустя отечественным исследователям стали доступны фотокопии парижских бумаг писателя (по договоренности с Национальной библиотекой Франции и при содействии того же А. Мазона они были официально переданы сотрудникам Пушкинского Дома), они тщательно изучили и подготовили их для первого Полного собрания сочинений и писем Тургенева в 28 томах под редакцией М. П. Алексеева. При этом выявилось немало разночтений: многие слова, оставшиеся не разобранными французским исследователем, были прочитаны заново, уточнены написания отдельных фамилий, слов и выражений и т. д. Так, уже в первом наброске будущего романа вместо «проповедник круглый (т. е. законченный, в чистом виде. — *Н. Г.*), в самом себе заключенный...» у Мазона читаем: «проповедник круговой <sic!>, в самом себе заключенный...»; ³¹ в характеристике Соломина, фигурирующего еще как № 2, вместо «№ 2 не дол-

²⁹ *Mazon A. L'élaboration d'un roman de Tourguénev: «Terres vierges» // Revue des études slaves. 1925. Т. 5. Fac. 1–2. P. 85–112. Далее — Mazon, с указанием страницы.*

³⁰ Так, в комментарии к «Нови» в 9-м томе (М.; Л., 1930) Собрания сочинений Тургенева в 12 томах, вышедшего (под ред. Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева) в 1929–1934 гг., Ю. Г. Оксманом были частично включены и осмыслены подготовительные материалы, опубликованные А. Мазоном (С. 431–445).

³¹ *Mazon. P. 87.*

жен представляться читателю как буржуа и пошляк» во французской публикации читаем: «...как буржуа и отсталый».³² Примеры можно, но не следует множить, поскольку большинство неточностей исправлено в Полном собрании сочинений, несмотря на то что исследователям пришлось иметь дело не с автографами, а с фотокопиями не самого хорошего качества. Справедливости ради надо сказать, что некоторые фрагменты текста, исправленные в нашем издании, кажутся более убедительными в прочтении А. Мазона. Есть, однако, одна фраза, оставшаяся неисправной и имеющая, как представляется, принципиальное значение для истории «Нови».

В самом конце первого наброска будущего романа, помеченного точной датой и даже временем — «*Баден-Баден. / Пятница. 29/17-го июля 1870, / без четверти 10*», — после записи «Нужно внести элемент политически-революционный»³³ идет заключительная фраза с одним непрочитанным словом: «Женская фигура <нрзб.> должна пройти *in dem Hintergrund* (на заднем плане — *нем*)».³⁴ Собственно, именно это неразобранное слово и привлекло поначалу наше внимание. Открывшаяся не так давно возможность познакомиться с рукописями Тургенева, хранящимися в Национальной библиотеке Франции, побудила заглянуть на сайт открытого доступа и увидеть качественную цифровую копию указанного фрагмента.³⁵

Каково же было удивление, когда вместо указанной фразы в автографе ясно читалось: «Темная фигура — (Нечаев) должна пройти — *in dem Hintergrund*». Сверив прочтение этой фразы в публикации А. Мазона, мы обнаружили следующий вариант: «Женская фигура (нигилистка) должна пройти *in dem Hintergrund*».³⁶ Как ни странно, французского исследователя не смутило, что привязанное к имени Марианны определение «нигил<истка>», фигурирующее в скобках чуть ниже, в списке из четырех действующих лиц романа («№ 4. (нигил.) Марианна»), явно

³² *Mazon*. P. 88.

³³ У Мазона эта фраза, кстати, прочитана неточно: «Нужно внести элемент политических революционеров» (*Ibid*. P. 89).

³⁴ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 9. С. 400. То же: *ПССУП(1)*. Соч. Т. 12. С. 315. Подготовительные материалы к «Нови» были заново сверены по автографам и прокомментированы Н. Ф. Будановой. Автограф, о котором идет речь, обозначен в *ПССУП* как «Заметка о замысле романа».

³⁵ *BN*. Slave 76. F. 100. См. иллюстрацию на с. 473. Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность сотрудникам Национальной библиотеки Франции, сделавшим доступными для исследователей автографы Тургенева.

³⁶ *Mazon*. P. 89.

не походило на заключенное выше в скобках имя таинственной незнакомки, написанное к тому же с заглавной буквы. Возможно, на подобное прочтение повлияло то обстоятельство, что из четырех перечисленных персонажей лишь с именем Марианны Тургенев определился сразу, после того как в тексте наброска, намечая краткую характеристику будущего Нежданова (пока он значился как № 1: «№ 1 должен кончить самоубийством»),³⁷ Тургенев записал: «Нигилистка — (не назвать ли ее Марианной?) сперва увлекается им и бежит с ним — потом, разубедившись, живет с № 2».

Таким образом, Марианна оказывалась в центре интриги и по аналогии с центральной ролью нигилиста Базарова в «Отцах и детях» могла претендовать на роль главной героини. Но дело было не только в этом. Ошибка А. Мазона была обусловлена, так сказать, концептуально: Нечаев «не мог» появиться в первом наброске романа потому, что, с точки зрения исследователя, первый «нечаевский» процесс состоялся в 1871 году, следовательно, в середине 1870 года Нечаев еще не мог оказаться «героем» задуманного романа. По существу, это не было ошибкой: первый процесс над арестованными «нечаевцами» действительно состоялся летом 1871 года.³⁸ Поэтому появление имени Нечаева в «Формулярном списке лиц новой повести», помеченном февралем 1872 года, не вызвало сомнений. Здесь оно фигурирует в характеристике ограниченного, но «неустрасимого до отчаянности» революционера Маркелова, в котором развито «чувство адмиративности», то есть склонности к восхищению, почитанию (от *франц.* *admirer*), «а потому, несмотря на свою резкость, он способен подчиняться влиянию».³⁹ Именно при характеристике Маркелова Тургенев записал: «Совершенно удобная и готовая почва для Нечаевых и К^о», хотя данная мысль, несомненно, относится и к другим героям романа, например к Машуриной, в краткой характеристике ко-

³⁷ Среди зачеркнутых вариантов фамилии Нежданова Мазоном был прочитан один: Незванов Петр Николаевич (*Mazon*. P. 89). В *ПССуП(1)* и *ПССуП(2)* к нему добавился еще один: Неправд<ин>.

³⁸ Перед судом предстало более 80 человек. Второй процесс над Нечаевым имел место в 1873 г., уже после того, как он был выдан русскому правительству властями Швейцарии. Подробнее см.: Нечаев и нечаевцы. Сб. материалов / Предисл. и примеч. Б. П. Козьмина. М.; Л., 1931.

³⁹ *BN*. Slave 76. F. 104. Галлицизм «адмиративность» был прочтен верно А. Мазоном, но не принят отечественными текстологами, вместо него в обоих изданиях *ПССуП* ошибочно внесено: «чувство административности», что существенно искажает авторский текст.

торой значится: «Способна на всякое самоотвержение. <...> Нечаев делает из нее своего агента».⁴⁰

Ошибка А. Мазона тем более удивительна, что в начале второй редакции «Рассказа новой повести» (по сути конспекта будущего произведения) Тургенев фактически повторяет фразу, которой завершался первый набросок романа. В первом же разговоре Нежданова с Машуриной звучат «намекы на общее дело. — (Нечаев уже тут на заднем плане.)».⁴¹ Однако будучи уверенным, что вторая редакция конспекта написана гораздо позднее (как и было на самом деле), ученый не сопоставил эту фразу с той, которая прозвучала в наброске 1870 года. Очевидно, что магия первого прочтения оказала влияние и на повторное обращение к указанной фразе при подготовке Полного собрания сочинений и писем Тургенева.

Между тем в действительности имя С. Г. Нечаева, несмотря на то что после убийства студента И. И. Иванова, совершенного 21 ноября 1869 года, ему удалось избежать ареста и скрыться за границей, появилось в газетах уже в конце того же 1869 года. Довольно скоро, когда в руках полиции неожиданно оказался архив революционной организации «Народная расправа», стало ясно, что за убийством одного из ее членов Иванова стоит злоецающая фигура человека, уже не раз попадавшего в поле зрения III отделения. В высших правительственных кругах было решено придать делу об убийстве Иванова широкий резонанс. Нечаевский процесс стал первым гласным политическим процессом в России, он широко освещался в печати, причем была допущена перепечатка материалов после того, как они были опубликованы в «Правительственном вестнике».⁴²

Первое сообщение в газете «Московские ведомости» о найденном в пруду близ Петровской академии неопознанном трупе было напечатано уже 27 ноября 1869 года.⁴³ В следующих номерах газеты это сообщение начало обрастать подробностями. В номере от 29 ноября сообщалось, что убитый оказался слушателем Петровской академии Иваном Ивано-

⁴⁰ *ВН*. Slave 76. F. 108.

⁴¹ *Ibid.* F. 127. А. Мазон в своей публикации 1925 г. не стал воспроизводить вторую редакцию конспекта (или «концепта», как определял сам писатель) содержания романа, поместив разночтения с первой редакцией под строкой. Эта фраза у него прочитана верно (*Mazon*. P. 99).

⁴² Подробнее см.: *Лурье Ф. М.* Созидатель разрушения: Документальное повествование о С. Г. Нечаеве. СПб., 1994. С. 179–187.

⁴³ *МВед.* 1869. 27 ноября. № 258. С. 2.

вичем Ивановым,⁴⁴ а уже 25 декабря в газете было названо имя С. Г. Нечаева: «Тайна убийства студента Петровской земледельческой академии Иванова начинает раскрываться. Некоторые из участников этого преступления, как слышно, уже находятся в руках правосудия. Но главный виновник злодеяния ускользнул. Это тот самый Нечаев, который отличался на бывших прошлую зиму студенческих беспорядках в Петербурге и который, как хвалился он в своей прокламации, изданной им в Женеве, бежал будто бы из Петропавловской крепости».⁴⁵ Тут же без указания имен завуалированно назывались и те, кто содействовал Нечаеву за границей, а именно А. И. Герцен, Н. П. Огарев и М. А. Бакунин: «После совещаний с женевскими героями нашей так называемой революции негодяй этот возвратился благополучно в Россию, был в Петербурге, проживал в Москве и ознаменовал свое тайное пребывание в ней убийством, которое было совершено самым гнусным образом...».

Заканчивалось сообщение, в котором явственно чувствовалась рука главного редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, призывом ко всем здоровым общественным силам сплотиться против этого зла: «Пора, давно пора разделаться нам с этою мерзостью, которую враги наши, с помощью отъявленных негодяев, продолжающих дело польских жандармов-вешателей, вносят в нашу учащуюся молодежь, вербуя в ней свои *тройки*, посреди глубокого земского мира, который господствует в нашем отечестве. Несчастные обманутые ими жертвы не знают сами, куда сходятся нити той организации, в которую их заманивают грубыми революционными химерами!».⁴⁶

Таким образом, уже в конце 1869 года Тургенев мог узнать не только об участии Нечаева в убийстве студента Иванова, но и о разветвленной революционной организации, им возглавляемой, а с января 1870 года все новые и новые сведения о «Народной расправе» стали регулярно появляться на страницах газет. Именно из газет узнал об этом и Ф. М. Достоевский, приступивший в январе 1870 года к написанию романа «Бесы».

Известно, как трудно писался этот роман Достоевским. Оттолкнувшись от нечаевского дела, писатель задумал масштабное произведение, призванное «разоблачить» нигилизм, начиная с его истоков, которые виделась Достоевскому в западничестве 1840-х годов. Ключевыми фигурами западничества были избраны Т. Н. Грановский и В. Г. Белинский. Немаловажное место в будущем романе было отведено Тургеневу, черты

⁴⁴ *МВед.* 1869. 29 ноября. № 260. С. 2.

⁴⁵ Там же. 25 декабря. № 281. С. 2.

⁴⁶ Там же.

которого читаются не только в пародийном образе Кармазинова, но и в образе Степана Петровича Верховенского.⁴⁷ Недаром А. Н. Майков, ознакомившись с началом романа, заметил в письме к Достоевскому: «Это тургеневские герои в старости».⁴⁸ Писатель долго сомневался в том, кто станет центральной фигурой будущего романа, остановившись в конце концов на образе Ставрогина.⁴⁹ Роман, еще не будучи завершенным, начал печататься в первых номерах «Русского вестника» за 1871-й, а закончен печатаньем в последних номерах за 1872 год (отдельное издание вышло в 1873 г.). Писатель торопился, испытывая серьезные финансовые трудности, приходилось заранее рассчитывать на гонорары за еще не написанные части романа.

Как признавался сам Достоевский в мае 1870 года, писал он «с большим жаром» и совершенно «не мог угадать», что выйдет из этого.⁵⁰ Поначалу писатель думал завершить роман к лету, однако в начале августа решил «окончательно: всё написанное уничтожить, роман переделать радикально» и «начать работу почти всего года вновь сначала».⁵¹ Характерна и запись Тургенева в первом наброске будущей «Нови»: «Фабула мне еще далеко не видна...».⁵² Таким образом, получается, что «Бесы» Достоевского (в окончательном замысле) и «Новь» Тургенева были начаты почти одновременно — во второй половине июля — начале августа 1870 года. Характерно, что оба писателя, оттолкнувшись от «дела Нечаева», в центр повествования ставят не его, а другое лицо (Ставрогина и Нежданова), причем с самого начала это лицо должно покончить жизнь самоубийством. При этом Тургенев вообще не выводит Нечаева на сцену, он должен пройти за кулисами, «in dem Hintergrund». «Нечаев

⁴⁷ Мнение о Тургеневе Достоевского в это время крайне раздраженное. «Я считаю Тургенева самым исписавшимся из всех исписавшихся русских писателей <...>», — пишет он Н. Н. Страхову 11 (23) июня 1870 г. (*Достоевский*. Т. 29. Кн. 1. С. 129). Впоследствии так о Кармазине выскажется в «Бесах» старший Верховенский: «Ваш Кармазинов — это старая, исписавшаяся, обозленная баба!» (Там же. Т. 10. С. 265).

⁴⁸ Это замечание из неизвестного письма Майкова вызвало живой отклик Достоевского, назвавшего его «гениальным» (см.: Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 182).

⁴⁹ Сложная творческая история романа восстановлена в Полном собрании сочинений Достоевского: Там же. Т. 9. С. 157–276 (коммент. В. А. Туниманова, Н. Ф. Будановой, Т. И. Орнатской и др.).

⁵⁰ Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 126. Письмо к Н. Н. Страхову от 28 мая (9 июня) 1870 г.

⁵¹ Там же. С. 133. Письмо к В. В. Кашпиреву от 15 (27) августа 1870 г.

⁵² *ПССиП*(2). Соч. Т. 9. С. 400.

так и остался „на заднем плане“, — справедливо писала Л. А. Николаева, — как некая таинственная и несколько комическая фигура „руководителя“, пытающегося своими повелительными письмами направлять движение. Основное течение романа сразу же определилось у Тургенева вокруг деятельности рядовых лиц революционно настроенной молодежи <...>. Эта общая схема осталась у Тургенева неизменной».⁵³

В отличие от Достоевского, автор «Нови» не стал упоминать об убийстве студента. Действие романа происходит, как записано на обороте листа со списком будущих героев (с уточнением их фамилий, имен, отчеств и возраста), в 1868 году.⁵⁴ В центре внимания Тургенева — судьбы молодежи, втянутой в революционное движение, сочувствие к людям искренним, жаждущим подвига во имя народа, которого они не знают, поиск иных путей изменения общественных отношений. Отсюда фигура «положительного» Соломина и его роль в романе. Совсем других путей искал Достоевский, создавая свой широкомасштабный идеологический роман.

⁵³ Николаева Л. А. Проблема «злободневности» в русском политическом романе 1870-х годов (Тургенев и Достоевский) // Проблемы реализма русской литературы XIX века. М.; Л., 1961. С. 403.

⁵⁴ *BN. Slave 76. F. 100 v.* В своей публикации А. Мазон высказал предположение, что данная запись сделана позже, в 1872 г. (*Mazon. P. 89*), хотя эта дата появляется лишь в другой записи, отделенной в конволюте от предыдущей «заглавным» листом, на котором читаем: «Формулярный / список / лиц новой повести. / Париж / Февраль 1872» (*BN. Slave 76. F. 101*). Датировка Мазона была принята в *ПССУП* (см.: *ПССУП(1). Соч. Т. 12. С. 480; ПССУП(2). Т. 9. С. 482*), однако более корректно предположить, что запись на обороте л. 100 сделана если не 17 (29) июля 1870 г., как первый набросок будущего романа, то в скором времени после того, то есть, вероятнее всего, в том же 1870 г. Это уточнение принципиально важно в свете нового прочтения заключительной фразы о Нечаеве в первом наброске «Нови», поскольку прямо указывает на время *до* убийства студента Иванова. Позднее Тургенев более точно определит время действия романа: весна 1868 г., то есть период, когда Нечаев лишь готовился к будущим студенческим волнениям зимы 1868/69 г. Возвращаясь к обороту л. 100, отметим, что здесь присутствуют два списка будущих действующих лиц: первый (подробный) с указанием фамилий, имен и отчеств, а также дат рождения и возраста (здесь действующие лица будущей повести пронумерованы арабскими цифрами), и ниже другой — более краткий, записанный явно позже и другими чернилами, где фигурируют только сокращенные фамилии с сокращенными обозначениями их характеристик (например, против фамилии «Нежд<анов>» поставлено: «р. р.», т. е. «романтик реализма», против «Солом<ина>» — «амер<иканец>» и т. д.), слева против каждого карандашом продублированы сокращенно фамилии («Н.» — Нежданов, «С.» — Соломин, «С—а» — Сипягина и т. д.), очевидно для того, чтобы в дальнейшем при разработке фабулы использовать вместо полных фамилий криптонимы.

И Тургенев, и Достоевский начали работу над романами, находясь за границей — в Германии, и черпали материал для задуманных произведений преимущественно из газет. Оба чувствовали, что для продолжения работы им необходимо вернуться в Россию. Достоевский из-за материальных и семейных обстоятельств вернулся лишь в июле ст. ст. 1871 года. Тургенев приехал в Россию уже в конце мая ст. ст. 1870 года и провел там месяц, вернувшись затем в Баден-Баден. Обоим пришлось стать свидетелями начала франко-прусской войны, разразившейся 19 июля ст. ст. 1870 года. Внешние обстоятельства не способствовали творческой работе. Война заставила семью Виардо и Тургенева искать нового места жительства, им оказался Лондон, где они провели тревожное время. Но было еще одно событие, сыгравшее значительную роль в жизни Тургенева и в творческой истории «Нови».

В ночь с 8 (20) на 9 (21) января 1870 года в Париже умер А. И. Герцен. Вместе с ним ушла целая эпоха. За неделю до смерти, 2 (14) января, его «после семилетней разлуки» навестил Тургенев, приехавший в Париж, чтобы присутствовать, по приглашению Максима Дюкана, на казни Тропмана.⁵⁵ Вечером того же дня Герцену стало плохо. В последующие несколько дней Тургенев навещал больного на улице Риволи, той самой, где сам прожил в начале 1860-х годов несколько лет, но видел его только раз «в сильном жару с воспалением в легких», однако общался с его близкими — дочерью Натальей, Н. А. Тучковой-Огаревой и др. Вынужденный 7 (19) января срочно уехать в Баден-Баден, он просил Тучкову и старшую дочь Герцена Тату сообщать ему о состоянии больного, а 10 (22) января узнал о смерти друга.

«Я не мог удержаться от слез, — писал Тургенев П. В. Анненкову час спустя после получения горестного известия. — Какие бы ни были разногласия в наших мнениях, какие бы ни происходили между нами столкновения, все-таки старый товарищ, старый друг исчез: редуют, редуют наши ряды!».⁵⁶ Беспokoясь о судьбе оставшихся детей Герцена, Тургенев особенно был озабочен состоянием Таты: «Старшая дочь Наталия — прекрасное, симпатичное существо — недавно, вследствие каких-то странных недоразумений, в течение шести недель сходила с ума и теперь едва-едва выздоровела... Пожалуй, эта смерть опять потрясет ее рассудок».⁵⁷ Тремя днями раньше в письме к Клоди Виардо Тургенев также упомянул о Тате Герцен: «У старшей (дочери. — Н. Г.) лицо осо-

⁵⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 10. С. 128.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

бенно замечательное, правда, несколько трагическое и взгляд у нее долгий и не вполне здоровый. На ней словно лежит какая-то печать... которой не пожелаю тем, кого люблю».⁵⁸ Тургенев был посвящен в тайну болезни Таты, тяжело пережившей осенью 1869 года историю с влюбленным в нее слепым итальянцем Пенизи, самим Герценом.⁵⁹ 20 ноября (2 декабря) 1869 года Герцен записал в дневнике: «Выздоровление Т<аты> меня больше облегчает, чем радует, — впереди завеса, все черно, и я не могу ни обманывать себя, ни понять, в чем мы не согласны. Мы сложились разрушителями; наше дело было полоть и ломать, отрицать и иронизировать. Мы и делали его. А теперь, после 15–20 ударов, мы видим, что ничего *не* создали, не воспитали. Последствие непростиительно — нигилизм в окружающих людях в отношении к семье <...>».⁶⁰

Очень скоро Тате предстояло пережить еще одну трагедию — историю с С. Г. Нечаевым, который попытался вовлечь старшую дочь Герцена в свое «дело», используя для этого все дозволенные и недозволенные способы. Последнюю точку в этой непростой истории поставил, как теперь известно, Г. А. Лопатин, открывший глаза Тате на подлинную сущность авантюриста и убийцы.⁶¹ Не случайно именно Лопатин, с которым Тургенев скоро сблизится, впоследствии упрекнет Тургенева в том, что в «Нови» писатель «смешал» два этапа революционного движения — нечаевский и народнический.⁶²

Если этот упрек и был отчасти справедливым, то для нас в данном случае гораздо важнее другое. Непрочтение упомянутой фразы о Нечаеве в первом наброске романа привело исследователей к недооценке значения «нечаевского дела» для замысла «Нови». Так, А. Мазон, признавая, что уже А. Е. Грузинским было отмечено важное значение для замысла «Нови» «дела Нечаева»,⁶³ писал: «Верно, что процесс Нечаева был одним из важных факторов для замысла Тургенева, но он не был

⁵⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 10. С. 120. Подлинник по-франц.

⁵⁹ Герцен. Т. 30. Кн. 1. С. 255. Письмо от 6 (18) ноября 1869 г.

⁶⁰ Там же. Т. 20. С. 611.

⁶¹ См.: Огарев, Бакунин и Н. А. Герцен-дочь в «нечаевской» истории (1870 г.) / Статья и публ. С. В. Житомирской и Н. М. Пирумовой // ЛН. Т. 96. С. 413–546.

⁶² <Лопатин Г. А. Предисловие>. Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873–77 гг., осужденных и ожидающих суда. Женева, 1877. С. XV.

⁶³ Грузинский А. Е. И. С. Тургенев. М., 1918. С. 177–184. При этом Грузинский относил первоначальный замысел романа к 1872 г., т. е. после первого «нечаевского процесса» 1871 г.

первоначальным». ⁶⁴ Изначальным толчком был, с точки зрения исследователя, изложенный в первом наброске будущего романа «тезис» о герое как «романтике реализма», что обусловило, по его мнению, «слабость» общей концепции, представлявшей «логическую конструкцию». Даже не попытавшись «расшифровать» указанный «тезис», ученый упрекнул писателя в «банальности» соображений на эту тему и общей неясности концепции. Отсюда и сомнительный вывод о том, что будущий герой — лишь «реинкарнация» прежних героев, изображенных в «Рудине» и «Отцах и детях». ⁶⁵ Между тем в оксюморонном словосочетании «романтик реализма» заключалась вся суть трагедии «новых людей», перешедших от слов к «делу», обреченному, с точки зрения Тургенева, на неудачу.

Не приходится сомневаться в том, что точка зрения А. Мазона о времени знакомства Тургенева с «делом Нечаева» повлияла на последующих исследователей, и в тургеневедении возобладало мнение, что задачей писателя в «Нови» было изображение более позднего явления — так называемого «хождения в народ». ⁶⁶ Думается, что пропаганда в народной среде, распространение листовок и воззваний с целью возбудить недовольство и в конечном счете спровоцировать бунты входили в общую «методологию» революционеров, действовавших как из-за границы, так и внутри страны. Недаром Нечаев пользовался теми же типографиями, что и «вольная русская печать», а в составлении его «воззваний» принимали участие Бакунин и Огарев. Эти «воззвания» обильно

⁶⁴ *Mazon*. P. 108.

⁶⁵ *Ibid*.

⁶⁶ «Однако „Новь“ — это роман о народниках-пропагандистах, а не о заговорщиках нечаевского типа», — писала Н. Ф. Буданова (*Буданова Н. Ф.* Роман «Новь» и процесс долгушинцев // *Т Сб.* Вып. 2. С. 182). Отметим, что знакомство Тургенева с прокламациями и брошюрами народников не исключает его знакомства с подобной литературой в исполнении Бакунина, Огарева и др., а затем, в начале 1860-х гг. — приверженцев Чернышевского. Но ближе по времени к замыслу «Нови» относятся прокламации самого Нечаева, которые он в изобилии сочинял и печатал за границей. Трудно согласиться и с А. И. Батюто, считавшим, что первоначально Тургенев собирался отвести в романе «значительное место изображению нечаевщины», а впоследствии, «когда писателю открылось, по определению Лаврова, „нравственное величие русской нови“, это намерение было оставлено» (*Батюто А. И.* Роман «Новь» и «процесс пятидесяти» // Там же. С. 206–207). В свете вышесказанного следует признать, что с самого начала Тургенев собирался изображать не «нечаевщину», а тех, кто оказался втянутым в это движение в силу своего идеализма, оставив фигуру самого Нечаева «на заднем плане».

рассылались по разным адресам в Россию и стали причиной многочисленных арестов, так что кое-кому пришла в голову мысль, не является ли их автор провокатором. Уже летом 1869 года Нечаеву удалось напечатать в Женеве первый номер журнала «Народная расправа» и «Катехизис революционера». Эти «сочинения» могли быть известны Тургеневу.

Тургенев вполне мог столкнуться с Нечаевым у Герцена в последние дни его жизни. Бежав за границу после совершенного преступления, Нечаев развил бурную деятельность в ближайшем окружении Герцена. Еще весной 1869 года, опасаясь ареста за участие в студенческих волнениях, он сумел войти в доверие к Бакунину и Огареву, вынудившим Герцена выдать ему половину так называемого «бахметьевского фонда»⁶⁷ на революционную деятельность в России. С подписанным Бакуниным фальшивым мандатом «доверенного представителя» несуществующей организации «Всемирный революционный союз»,⁶⁸ с посвященным ему Огаревым и отпечатанным в виде листовки стихотворением в кармане, осенью 1869 года Нечаев «на коне» вернулся в Россию и возглавил организацию «Народная расправа». А после убийства студента Иванова и последовавших арестов снова бежал за границу и вновь пытался выйти на прямой контакт с Герценом, который решительно отказался его видеть. 26 декабря 1869 года (7 января 1870 года), буквально за неделю до визита Тургенева, Герцен отвечал на письмо Огарева с сообщением о получении письма от Нечаева из России и скором приезде последнего в Женеву с целью встретиться с Герценом и взяться за продолжение издания «Колокола». На оба предложения Герцен отвечал решительным отказом. «Я буду очень рад, если бой выздоровеет (т. е. Нечаеву удастся избежать ареста. — *Н. Г.*), — но видеться мне с ним не нужно».⁶⁹ И по поводу возобновления «Колокола»: «На таком двойстве воззрений, которое мы имеем в главном вопросе (т. е. по поводу призыва к не-

⁶⁷ Так называемый «бахметьевский фонд» образовался вследствие пожертвования на дело революции некоего П. А. Бахметьева, передавшего оказавшиеся в его распоряжении деньги Герцену и Огареву еще в 1857 г., перед тем, как самому уехать на Маркизские острова и основать там коммуны. Бахметьев послужил прототипом Рахметова в романе Чернышевского «Что делать?».

⁶⁸ Как верно пишет Ф. М. Лурье, «на плечах именно Бакунина Нечаев въехал в революционное движение, именно Бакунин особенно близок Нечаеву по пристрастию к разрушению и вседозволенности, не случайно они так молниеносно сблизились в 1869–1870 годах, не случайно Бакунин более всех поддержал Нечаева, сделался его „крестным отцом“» (*Лурье Ф. М. Созидатель разрушения. С. 75*).

⁶⁹ *Герцен. Т. 30. Кн. 1. С. 297.*

медленному восстанию в России. — *Н. Г.*), нельзя создать журнал. Читать нас никто не хочет».⁷⁰

Окончательно разойдясь с Бакуниным, Герцен изложил суть разногласий в «Письмах к старому товарищу», которые вышли в свет лишь после его смерти в «Сборнике посмертных статей», опубликованном под редакцией Огарева в Женеве в 1870 году. Но Нечаев, приехавший в Женеву 9 или 10 января н. ст. 1870 года, так и не добился свидания с Герценом, который писал Огареву 31 декабря 1869 года (12 января 1870 года): «Юношу (Нечаева. — *Н. Г.*) видеть я могу и мужеству его отдаю полную справедливость — но деятельность его и двух старцев (т. е. самого Огарева и Бакунина. — *Н. Г.*) считаю положительно вредной и несвоевременной. Всякий день вижу русских — слушаю, вслушиваюсь — и убеждаюсь больше и больше в том».⁷¹ В этом же письме Герцен сообщал, что Тургенев, которого он, без сомнения, ожидал, «еще не приехал». Трудно представить, чтобы при встрече, состоявшейся всего через день, Герцен не сообщил Тургеневу о ситуации, в которой он оказался. Ведь именно Тургенев еще в 1862 году предупреждал Герцена: «...налив молодые головы вашей еще не перебродившей социально-славянофильской брагой, пускаете их хмельными и отуманенными в мир, где им предстоит споткнуться на первом шаге».⁷² Недаром уже в «Формулярном списке» 1872 года «русский революционер» Маркелов, вообще читающий «очень мало», «прочел, что нужно» — «Герцена в особенн<ости> и готов на дело».⁷³ Это указание, сделанное уже после смерти Герцена, подтверждает, что спор со знаменитым изгнанником был продолжен Тургеневым и в «Нови». История Нечаева лишь подтвердила самые худшие опасения писателя.

Исследователи не раз делали попытки осмыслить творческую историю последнего романа Тургенева, которым он хотел завершить свою литературную карьеру, и достигли в этом существенных результатов.⁷⁴ Однако вопросы «о роли нечаевского дела в творческой истории „Нови“ и о хронологизации изображенных в романе событий принадлежат к числу наиболее сложных и спорных».⁷⁵ Думается, новое прочтение

⁷⁰ Там же. Как известно, после смерти Герцена Нечаеву и Огареву удалось выпустить в апреле 1870 г. несколько номеров «Колокола».

⁷¹ Там же. С. 299.

⁷² ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 126–127. Письмо от 27 октября (8 ноября) 1862 г.

⁷³ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 403.

⁷⁴ Наиболее полно история «Нови» рассмотрена в книге Н. Ф. Будановой «Роман И. С. Тургенева „Новь“ и революционное народничество 1870-х годов» (Л., 1983).

⁷⁵ Там же. С. 24.

заключительной фразы в первом наброске будущего романа, сделанном в июле 1870 года, в определенной степени разрешает вопрос о роли нечаевского дела в замысле романа и позволяет уточнить не только текст этого первого наброска, но комментарий к нему, где читаем: «Однако нет оснований преувеличивать роль нечаевского дела в творческой истории романа. Подобное преувеличение содержится, например, в содержательной статье Э. М. Румянцевой „Из творческой истории романа И. С. Тургенева «Новь»“, автор которой считает, что Тургенев „показал в «Нови» представителей различных социальных группировок молодежи, которые действительно участвовали в нечаевском движении“ (Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1957, т. 150, вып. 2, с. 167), и, таким образом, относит революционную молодежь, изображенную в «Нови», не к народническому, а к нечаевскому движению“»⁷⁶.

⁷⁶ ПССиП(1). Соч. Т. 12. С. 488, примеч. 1. То же: ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 488, примеч. 20.